

Кредо его жизни было «замечательно»

Э.И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; ekolchinsky@yandex.ru

Как и большинство моих сверстников, в школе я ничего не знал ни о генетике, ни о генетиках. К чудодейственным рекомендациям мичуринской биологии я, благодаря моей бабушке, относился скептически, но об альтернативных теориях что-то писали только в журнале «Наука и жизнь», каждый номер которого я прочитывал от корки до корки, начиная с восьмого класса. В гражданских правах генетику восстановили в октябре 1964 г., когда я учился на первом курсе философского факультета и в наивной уверенности провинциала, что знание — сила и путь к подлинной мудрости, вечерами ходил в Актовый зал ЛГУ им. А.А. Жданова. Там читали общедоступные лекции по внезапно реабилитированной науке, демонстрируя фильмы о фазах митоза и мейоза. Наглядная агитация быстро расшатывала смутные школьные представления о слитной наследственности и наследовании приобретаемых признаков. Вскоре я приступил к штудированию «Генетики» А. Мютцинга, взяв эту книгу в экспедицию в море Лаптевых, а так как, кроме неё, читать было нечего, то за четыре месяца выучил её практически наизусть, перерешав к тому же все задачи. В итоге у меня сложилось твёрдое впечатление о классической генетике как вершине биологического знания, которое к тому же может быть выражено в математической форме, являющейся необходимой чертой любого подлинного знания. Об этом писал ещё Пифагор, а за ним не раз в течение трёх тысяч лет повторяли многие блестящие умы.

С такими романтическими представлениями о генетике я попал в 1967 г. на эволюционный семинар К.М. Завадского, где впервые в жизни столкнулся с подлинными генетиками как старшего (В.С. Кирпичников, Д.В. Лебедев, А.А. Малиновский, Ю.М. Оленов, Ю.И. Полянский), так и более молодого поколения. Все они не очень любили философов, но с нами, учениками К.М. Завадского, вели диалог на равных, да и в области теории, как я понимаю, мы не так уж сильно от них отличались, но, как дилетанты, не знали, что на уровне эмпирических исследований, а тем более эксперимента, всё не так просто. Обсуждение плана работы над коллективной монографией «Развитие эволюционной теории в СССР 1917–1970-е гг.» способствовала более активному включению генетиков в жизнь коллектива К.М. Завадского и расширению моих связей с ними. После смерти К.М. Завадского, руководство этой работой было поручено мне, что, с одной стороны, заставило активнее изучать генетические факторы эволюции, а с другой стороны — идти на близкое содружество с самими генетиками, чтобы выработать общий стиль историко-научного исследования. Со многими из них у меня сложились хорошие добрые отношения, как, например, с И.А. Захаровым, который со временем стал профессиональным историком науки. Но из генетиков в те годы был мне ближе Леонид Зиновьевич Кайданов. Конечно, он был старше меня на целых 13 лет, в этом возрасте — это почти целая эпоха, но почему-то у меня всегда было ощущение, что при всех наших различиях на многое мы смотрим одинаково.

Впервые я увидел Леонида Зиновьевича на семинаре у К.М. Завадского в 1968 г., где он сделал доклад в рамках своей кандидатской диссертации по генетике поведения кур, вызвав оживленную дискуссию. Этология и генетика поведения были долгое

время у нас под запретом, и присутствующие были поражены новизной трактовок полученных автором результатов. Работа над коллективной монографией сблизила нас. Долгое время не удавалось найти авторов, способных написать объективную историю популяционно-генетических исследований факторов эволюции. Ситуация в генетическом сообществе была непростая после автобиографической книги Н.П. Дубинина «Вечное движение», вызвавшей резкие возражения его коллег. После неудачных попыток привлечь к этой работе профессиональных историков генетики, прежде всего А.Е. Гайсиновича, который был далёк от эволюционной теории, или ведущих генетиков, интересующихся историей, Завадский обратился к Леониду Зиновьевичу, которого знал ещё студентом. Это вызвало недоумение у директора Института истории естествознания и техники СССР С.Р. Микулинского, который не мог понять, зачем при наличии созвездия генетиков, членов АН СССР с навыками исторических исследований, прибегать к помощи малоизвестного кандидата наук. Но Завадский оказался прав — Кайданов блестяще справился с поставленной перед ним задачей, что отметил в своем отзыве один из создателей популяционной генетики академик АН УССР С.М. Гершензон. В ходе редактирования книги я лучше узнал Леонида Зиновьевича и был покорён яркостью его личности, остротой ума, а самое главное — исключительной доброжелательностью к людям, которая выражалась в постоянном стремлении увидеть в окружающих лучшие качества и умения создать благоприятные условия для их проявления.

В то же время Леонид Зиновьевич был резок, сталкиваясь с попытками подменить наукообразными рассуждениями обсуждение актуальных проблем эволюции и генетики. В этом отношении характерен его спич на Всесоюзном симпозиуме, посвящённом столетию со дня рождения И.И. Шмальгаузена в 1984 г., против эпигеномной теории эволюции, в которой он увидел некий рецидив лысенкоистского подхода к проблеме соотношения онтогенеза и филогенеза. Отношение Кайданова к людям характеризовала постоянная присказка в беседе. Он по многу раз повторял слово: «Замечательно». Я никогда не слышал от него что-то плохое о людях, хотя злословие характерно для научного сообщества, и, если возникали подобные разговоры, он старался переменить тему. Раз, в одном интервью, я услышал правдоподобный рассказ о том, что парторг ЛГУ А.А. Белых в 1963 г. давал инструкцию о необходимости наказать Ю.И. Полянского, редактора книги М.Е. Лобашёва. По рассказам, при этом присутствовал и Кайданов. Факт этот для меня был интересен, но когда я его спросил, могу ли я привести эти сведения со ссылкой на него, он честно ответил, что ему не хотелось бы это делать публично, но если надо, то он готов. В другой раз он удержал меня от печатного ответа одному американскому историку, допустившему неточности в рассказе о своём пребывании в СССР в конце 1970-х гг.

Однажды я попросил его показать кафедру генетики моему коллеге из Германии В. Хинтцше. Как выяснилось, Кайданов свободно говорил по-немецки, что было приятно немецкому гостю, повторяя и здесь постоянно: «Ausgezeichnet». Насколько я знаю, он был близок к одному из самых светлых умов в РПЦ — протоиерею Александру Меню — и даже крестился у него. Наряду с высокой культурой человеческого общения Леонид Зиновьевич отличался глубоким интересом к литературе, музыке, живописи, большим знатоком которых он был, и разговор с ним на эти темы оказывался всегда поучительным.

Наше сотрудничество длилось более 20 лет. Леонид Зиновьевич охотно откликался на наши предложения участвовать в семинарах, конференциях, сборниках, каждый раз

существенно дополняя и расширяя круг своих интересов в области истории и теории эволюции. В значительной степени благодаря Кайданову генетики Ленинграда видели во мне коллегу; он способствовал моему знакомству с Н.В. Готовым, С.Г. Инге-Вечтомовым, Л.И. Корочкиным и другими, а особенно с М.Д. Голубовским. В те годы Кайданов вёл исследования генетических последствий отбора по адаптивно важным признакам. В 1996 г. он опубликовал первый отечественный учебник по «Генетике популяций», за который позже посмертно был удостоен премии Правительства РФ.

Кайданов был одним из основателей и активным членом Вавиловского общества генетики и селекции, Санкт-Петербургское отделение которого возглавлял с 1994 г., много делал для успешной работы общегородского эволюционного семинара, которым я руководил сперва вместе с Ю.И. Полянским, а потом и сам в 1993–1998 гг. Серьёзно Кайданов относился к обязанностям главы секции Отделения биологии и экологии РАЕН в нашем городе. Сейчас РАЕН имеет неоднозначную славу, но это отделение, основанное Н.Н. Воронцовым, состояло из профессиональных и авторитетных членов, многие из которых составили бы честь и любой государственной академии.

Как и все учёные старшего поколения, Кайданов принял на себя тяжесть первых лет перестройки. Несмотря на его известность в мировом сообществе, ему трудно было найти работу за рубежом из-за возраста и здоровья. Да, по-моему, он и не старался это сделать, будучи патриотом России. В популярности Кайданова среди зарубежных генетиков я убеждался неоднократно. Несколько раз во время моих зарубежных командировок ко мне подходили его зарубежные коллеги и спрашивали, чем они могут ему помочь. Когда я ему передавал подобные вопросы, он всегда отвечал, что ни в чём не нуждается.

Его жизнь оборвалась как-то внезапно. Он ушёл очень рано, переживая подлинный творческий подъём и находясь на острие перспективного направления эволюционной генетики.

The Credo of his Life was “Wonderful”

EDUARD I. KOLCHINSKY

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey Vavilov, St. Petersburg Branch,
Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; ekolchinsky@yandex.ru

The memoirs about the work on the book “The Development of the Evolutionary Theory in the USSR” together with Leonid Kaidanov.